
Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М.:Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Торопливо ходили чиновники с бумагами и озабоченным видом; сторож величественно разносил крепкий холодный чай; пишущие машинки трещали так, точно целые десятки маленьких молоточков наперебой, азартно ковали крохотные подковки, и каждый день Елена Николаевна со стремительной быстротой выстукивала ловкими гибкими пальцами:

"Согласно отношению господина управляющего Чирковской транспортной конторы, имеем честь препроводить копию с кассационной жалобы грузовладельца Исаака Абрамовича Кишнера..."

Длинный белый лист как живой все больше и больше выползал из цепких лапок машинки, и когда бумага, колыхнувшись, загнулась назад, Елена Николаевна выпрямила опустившиеся от усталости слабые плечи и, взглянув прямо перед собою в окно, задумалась.

За мутным стеклом тоненько тянулись вверх три березки, а за ними высилась, казалось, до самого неба серая стена рояльной фабрики. Словно черные коленчатые змеи, ползли по ней ржавые железные трубы.

День был солнечный, и в палисаднике было светло и красиво. Той особенно трогательной, болезненно-робкой и хрупкой красотой, которая почти грустно чувствуется только в больших городах, в жалких садиках и сквериках, этих клочках природы, затерянных среди каменных стен, мостовых и грохота уличного шума.

На тоненьких красных прутиках рябили наивные почки с белым детским пушком. Сухие прошлогодние листья, как траурная кайма лежавшие вдоль стен и дорожек, приподымались колкими иглами новой травы, зеленой, как изумруд. На сырых дорожках отчетливо печатались чванливо-фигурные следы вороньих и галочьих лапок. Стволы березок были свежи и чисты, точно кто-то только что умыл их студеной водой из талого хрупкого снега. У самой стены, в углу, как бы притаившись от всего света, еще стоял запыленный, насквозь ноздреватый сугроб. Солнце светило прямо на него, и снег исчезал на глазах, пуская чуть заметный дрожащий парок.

Неба не было видно из окна, но, должно быть, оно было чисто и голубело так, что все тени казались легкими и голубоватыми. Порой на палисадник налетали смеющиеся пятна и, быстро подымаясь по стене фабрики, исчезали где-то вверх, давая знать, что высоко над городом, в голубеющем просторе, точно паруса далеких счастливых кораблей, проплывают весенние облака.

В отворенную форточку вливался густой сочный воздух и до самого сердца проникал неопределенной, радостно-грустной истомой. Елена Николаевна сидела неподвижно, и на ее осунувшемся личике задумчиво светились большие, слегка оттушеванные бледностью глаза. Она забыла о срочной работе, о черновике присяжного поверенного Хлудекова, а между тем думала именно о нем, и перед ее остановившимися глазами стояло лицо высокого холеного блондина с подстриженной бородой и слегка капризными, чувственными губами. Она даже как будто слышала его уверенный, подавлявший неуловимым оттенком презрительной иронии голос, в котором так ярко и мягко вспыхивали особые нотки, когда он говорил с Еленой Николаевной. Передавая ей свои бумаги, он всегда переходил в тон фамильярно-дружеской шутки и тепло и загадочно смотрел в глаза, на мгновение задерживая ее маленькую руку в своей холеной ладони. И когда глаза его становились особенно проникновенно задушевы, Хлудеков всегда говорил, капризная растягивая слова:

- Ску-чно, Елена Николаевна!.. Как это вы можете удовлетворяться такой жизнью... Не понимаю я вас... Неужели вам не хочется иногда выскочить из колеи, поступить по-своему, хотя бы всем наперекор...

В его прищуренных зрачках мелькал темный огонек, напоминавший взгляд охотника, когда он уже близко видит преследуемую им дичь. И Елена Николаевна до конца понимала его мысли и желания, которых он не смел высказать. И было